
ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 130.2 : 004.946

О. С. Борисов, С. Г. Еремеев

Культурные коды и виртуальная реальность

Когнитивная наука, используя достижения нейрофизиологии и современных методов исследования мозга, выделяет такое направление, как нейротеология. Генетически наследуемая предрасположенность религиозной функции, закрепленная в мозге, сформировалась в процессе когнитивной эволюции, когда человек осознал экзистенциальное одиночество, разрывающее некогда нерелефлексированную ткань его бытия, включенного в бытие универсума. На этом этапе эволюция должна была найти компенсаторный механизм, позволяющий дальнейшее существование. Эволюционно в структурах мозга была закреплена функция, позволяющая пролонгировать жизнь в обещанном новом регистре бытия, ставшем виртуальной его основой (сознание). Это удвоение можно рассматривать как бинарную оппозицию, которая на феноменологическом уровне предстает как естественное и сверхъестественное, сакральное и профанное, вера и знание, и в целом как любая выявленная оппозиция, развернутая в двоичной системе исчисления 0 или 1. Содержание данного процесса рассмотрено авторами на примере супрематистского концепта К. Малевича.

Cognitive science, using the achievements of neurophysiology and modern methods of brain research, identifies such a direction as neurotheology. A genetically inherited predisposition, fixed in the brain, was formed in the process of cognitive evolution, when a person realized the existential loneliness, tearing the once unreflected fabric of his being, included in the existence of the universe. At this stage, evolution should have found a compensatory mechanism that allows further existence. Evolutionarily, a function was fixed in the structures of the brain that allowed prolonging life in the promised new register of being, which became its virtual basis (consciousness). This doubling can be considered as a binary opposition, which at the phenomenological level appears as natural and supernatural, sacred and profane, faith and knowledge, and in general, like any identified opposition deployed in the binary system of calculus 0 or 1. The content of this process is considered by the authors on the example of K. Malevich's suprematist concept.

Ключевые слова: когнитивная наука, бинарные оппозиции, виртуальная реальность, нейротеология, сознание и мозг, супрематизм.

Key words: cognitive science, binary oppositions, virtual reality, neuroteology, consciousness and brain, Suprematism.

Процесс секуляризации и «расколдовывания мира», разворачивавшийся в Новое время на фоне поиска естественных законов (разума, права, религии, морали) и сопровождавшийся религиозными войнами, никогда не был линейным [1, с. 84–85]. Ницшеанский завет сверхчеловека вылился в тотальный проект его опрощения, реализовавший себя как идеологический конструкт, где идеологема власти и человека-массы вышла, взаимооборачиваясь, на поверхностный план всемирной истории. А в «хадальной зоне» массового сознания остались подспудно фундаментальные архетипы, иррациональные по своей природе [см.: 7, с. 166–175].

К.Г. Юнг утверждал, подобно И. Канту, что мы рождаемся с набором запрограммированных режимов восприятия и не являемся «чистой доской» (в смысле объяснения Д. Локка), на которой только с начала рождения индивидуальный опыт фиксирует эксклюзивную конфигурацию отношений. С этой точки зрения, в силу универсального архетипического строения коллективного бессознательного человек как вид имеет присущую ему «естественную религиозную функцию», которая оказывает столь же значительное влияние, как половой инстинкт или инстинкт агрессии.

Мэтью Альпер, один из основателей нейротеологии, предлагает рассматривать это коллективное бессознательное, сводя его к нейрохимическим процессам мозга. Тогда «естественную религиозную функцию» можно объяснить как «генетически наследуемую предрасположенность» [2, с. 150]. Эта предрасположенность сформировалась в процессе когнитивной эволюции, когда человек осознал экзистенциальное одиночество, разрывающее некогда неререфлексируемую ткань его бытия, включенного в бытие универсума. На этом этапе эволюция должна была найти компенсаторный механизм, позволяющий организму существовать дальше. В структурах мозга со временем была закреплена функция, позволяющая пролонгировать жизнь в обещанном новом регистре бытия, ставшем виртуальной его основой (сознание), чтобы продолжать быть в регистре существующем, как бы это существование ни понималось на основе аппаратного обеспечения (мозга).

Это удвоение можно рассматривать как бинарную оппозицию, которая на феноменологическом уровне предстает как естественное и сверхъестественное, сакральное и профанное, вера и знание.

М. Альпер, пишет: «Если человек как вид «запрограммирован» верить в духовный мир, значит, Бог существует не «где-то там», вне нашей досягаемости и не независимо от нас, а скорее является порождением унаследованного восприятия, проявлением эволюционной адаптации, которое существует исключительно в мозге человека» [2, с. 171].

Человек переносит изначально возложенную на него эволюцией «ответственность» на иные, более могущественные силы, чем он сам, от которых он теперь зависит, поскольку, освобождаясь от груза ответственности, он безропотно отдает себя в руки богов или Бога, черпая в них силы дальнейшего существования.

На самом деле он ничем не отличается от любого другого вида животных, которые детерминированы законами природы, действующими и в отношении человека. Но в отличие от первых, он может эту детерминированность выразить с помощью знаковых средств, которые представляют собой коды, отсылающие к исходному набору кодов аппаратного обеспечения мозга, в котором эволюционно запрограммированы когнитивные связи удвоения.

Упование на богов – это опосредованная апелляция к тем собственным структурам мозга, которые обладают функцией нейтрализации негативной предметности, ее рассеивания, упокоения и, как результирующая – обретения силы и/или блаженного покоя. Поэтому религиозная функция бесследно не исчезает с ростом научно-технического прогресса и активируется при неблагоприятном воздействии на человека внешних событий. Пока эти угрозы существуют, существует религиозная функция. И даже более: с возрастанием угроз, связанных с высокой мобильностью информационных, технологических и пр. изменений, требующих адекватной социальной адаптации, возникает высокая степень неопределенности, влекущая за собой необходимость поиска фундаментальных основ существования, самые ближайшие из которых находятся в поле традиционных религий.

Удвоение единого мира на «виртуальный» (сознание) и «реальный» (мозг) есть априорные формы, унаследованные программы, подобные априорным формам пространства и времени. Это – бинарная конструкция, которую можно выразить символически числовыми значениями 0 и 1 как бит информации, а феноменологически – как сворачивающуюся и разворачивающуюся структуру предметности. Характерным примером предметного подтверждения этой конструкции можно считать супрематистский концепт К. Малевича, «заряжен-

ный» не только и столько художественным смыслом, сколько мировоззренческим содержанием, психологизмом и архетипичностью.

В поисках беспредметности нового выражения действительности К. Малевич приходит к мысли, что «Бог не скинут» [3], что Фабрика, Церковь и Искусство, будучи кодом, воскрешают в красном углу супрематизма абсолютный 0, оставив за пределами все частное, предметное, внешнее, проявленное, смысловое, определенное как «преходящее». «Все человечество наполнялось, уплотняясь видимой предметностью, как огромный шар, – пишет М. Матюшин, – пришел знак переполнения, тяжести и шар устремился...» [4, с. 216] (добавим: чтобы не сказать – лопнул...).

В брошюре, ставшей второй частью философского труда «Супрематизм. Мир как беспредметность, или Вечный покой», К. Малевич говорит, что человек идет к своему совершенству, стремясь быть ближе к Богу, как к человеческому пределу совершенства, двумя путями: религиозным или гражданским, которые выражают себя в институтах Церкви и Фабрики. Однако достижение Бога или совершенства как Абсолюта есть предрассудок, в основе которого лежит процесс экспликации предметности в предел окончательной формы, которая сворачивается на другом уровне отношений, запускающих в своем регистре побочную экспликацию.

«Религиозный техникум», как называет религиозный путь Малевич, предлагает различные системы духовного совершенства, наделяющие его определенным смыслом. Совершенство Бога имеет смысл. Но если Бог будет определен смыслом, то он достигает нечто большее, чем он сам, значит он *не может быть смыслом, он только смысл человека*. Но Бог не может быть и человеческим смыслом Бога, поскольку перед Богом стоит предел всех его смыслов; достигая его как конечного смысла, человек оказывается в пределе, за которым стоит Бог вне всякого смысла. «Итак, в конечном итоге все человеческие смыслы, ведущие к смыслу-Богу, увенчаются немислием, отсюда Бог – не смысл, а несмысл. Его несмыслие и нужно видеть в Абсолюте, конечном пределе как беспредметное» (§18) [3]. Вся разворачивающаяся предметность религиозного пути ведет к 0.

«Гражданский техникум» (фабрика) и религиозный (церковь) идут разными путями к одинаковой цели (благу): каждая религиозная система доказывает преимущества собственного способа достижения Бога, как и гражданская – свое благо и достижение его в своих совершенствах. Первая видит благо в духовном совершенствовании (когда во втором пришествии Христос все же будет судить грешников, то преображенная душа оденется в просветленное тело и таковой войдет

в рай), вторая же – видит благо в развитии техники, которая должна освободить тело от физического труда, чтобы воплотить новую физическую жизнь в духовном облике, и тогда «гражданский техникум» докажет, что «построил или восстановил рай, в котором человек будет на положении Адама» – Нового Адама.

Итак, церковь, создавая совершенство духовное, и фабрика, создавая совершенство материальное, заставляют думать, что тело и дух это два враждебных начала, существующие самостоятельно и борющиеся друг с другом, утверждая истину (либо – только в духе, либо – только в материи). Но кто из них победит, не важно сейчас, полагал Малевич, важно *определение жизни*, в которой есть *одно* начало, рассматриваемое *в двух планах*. По его представлению, это начало – в возбуждении, проявляющемся «во всевозможных формах – как чистое, неосознанное, необъяснимое, никогда ничем не доказанное, что действительно оно существует, без числа, точности, времени, пространства, абсолютного и относительного состояния» (§ 1) [3]. Мысль же является второй ступенью жизни, в которой «возбуждение принимает видимое состояние реального в себе, не выходя за пределы внутреннего». Мысль не есть то, что можно понять, осознать или знать. Размыслить действительное от недействительного есть абсурд, мы видим всегда то, что не можем познать. Все, что проявляется человеком, несмотря на «наглядные» или «научные» обоснования, остается недоказанным, поскольку все проявления есть результат непознаваемого возбуждения.

В споре о строительстве мироздания, один путь – на духовной основе, кажущийся материалисту организованным без крепкого фундамента, а другой путь – на материальной основе, в представлении идеалиста также непрочен в силу приходящего характера времени. Оба хотят доказать *предметную основу* как единственную прочность. Но, как говорит Малевич, – «в действительности оба остаются в беспредметном» (§ 20) [3].

Возбуждение само по себе не имеет формы, не имеет границ, однако, найдя форму своего проявления, проявляясь как форма, делается мертвым, поскольку завершилось в форме определенного совершенства как «шаг», требующий следующего, более совершенного шага мысли облекать возбуждение в другой, более совершенной по выявлению возбуждения форме. Уповать на вечное блаженство в предельной форме совершенства – невозможно, поскольку потенциальное совершенство, облекаясь в форму конечности, ограничивается

этой формой. Так вечное блаженство как торможение после возбуждения, достигшего предела в своей форме, рассеивает предметность, генерируя из нее силы для перевода в другой регистр.

Конфликт между заброшенностью человека в мир и выхолощенностью форм культуры, в которых он должен обрести себя через ритуальные повторения, разрешается само-по(д)рывом. Форма, еще не рожденная, чтобы не стать мертворожденной формой, в просвете между рождением и умиранием являет Нечто, чтобы стать в процессе разворачивания Ничто... В силу исчерпанности происходит перекодирование предметности, всегда осуществляющееся через 0 (обнуление), чтобы структуру предметности перевести в новый регистр. В пределе предметность уходит в 0, который есть Абсолют, предел всякой предметности, терминологически выражающий абстрактный конструкт, аналогичный 0. Соскальзывая в Ничто, чтобы утвердиться духовным путем, ищущий в духе (его разнообразных техниках) цепляется за божественное Нечто *определенности* точно так же, как ищущий в теле, чтобы утвердиться материальным путем в вечности, ступает на зыбкую почву *неопределенности*.

Духовное движение уничтожает в себе свое Я, полагаясь на волю Бога, поскольку и разум, и воля – все это в Боге. Человек «в таком положении не существует, а существует Бог как воля, разум и совершенство» (§21) [3]. Духовный путь человека стремится *только* достигнуть неба, быть с Богом, но не может быть в Боге, воплотиться в него, быть Богом. Ни религиозный путь, ни материальный, какие бы техники ни изобрели, не смогут достигнуть того предела, за которым человек перестает быть человеком, став Богом. Перед человеком стоит *начертанный* Бог, которого нельзя достигнуть.

Таким образом, говорит Малевич, предметный путь (и религиозный, и материальный) *свергает* Бога, видя в нем предрассудок, порожденный возбуждением, которое как реальное в себе не выходит за пределы внутреннего, а выходя в форму, в ней умирает. А путь тех, кто строит жизнь на духовном религиозном, считается недомыслием, которое не смогло домыслить, что здание строится на предрассудке (определенности), опирающемся на Бога.

Для Фабрики Я – это воля и смысл всех совершенств. Я создает собственную определенность как картину мира. – «Я в руках держу мир моторов, земных и воздушных, я бросаю их в пространство и даю материи новую форму», точнее «даю форму своему суждению»; «Я владыка мира, ибо в руках моих труд», я – Вселенная, поскольку владею ею, строя царство небесное на земле (§ 23) [3].

«Пусть же скажет человек, когда будет тот день, когда последний раз прогудит свисток на фабрике труда, когда скажет научный техникум, что все кончено, последняя смена, “все” узнано, и человек на фабрике крикнет – довольно, труд окончен, исследовано все. Я на вершине миров, или миры поглощены мною, я овладел совершенствами, “я – Бог”» [Там же]. Однако нет того предела, когда человек скажет, что исчерпано все: «...Фабрики и заводы существуют только тем, что существует неизвестное совершенство, скрытое в природе, и они стремятся собрать его в един<ств>о своей технической машины» (§ 24) [3].

Но одно только материальное сознание как борьбу с природой за существование К. Малевич считает безумным. Человек стремится к покою, т. е. к недействию, и каждое его машинное совершенство говорит о покое. Машина, облегчая его труд, дает отдых, освобождая мышцы и умственное напряжение. Остается мысль, что постигнуть действительность нельзя иначе, кроме как свое собственное сочинение, «как представляемость несуществующего». Но в таком бытии нет средств, с помощью которых можно познавать действительность, средства же возникают тогда, когда есть *препятствия*. «Постижение мира как материалистическое бытие или постижение как духовное, это только сочинение бытия, в котором и нужно совершать постижение» [3]. Иными словами, постигается то, что конструируется, конструируется то, что в «сочинении бытия» ведет к цели совершенства (достигший совершенства, как он понимает его, идет на покой). Но человек боится *вечного* покоя, поскольку для него он означает небытие. Приближаясь к Вечному покою, к Богу, человек со всей силой своего безумия кричит: «Нет, я хочу быть», иначе говоря, «Я не хочу быть Богом!»

Церковь стремится превратить человека в небытие, а Бога в бытие. Превратить же человека в бытие не удастся, поскольку существует смерть только для тела, а душа бессмертна. Ибо человек, освобождаясь от тела, передает душу, которая и будет «бытием» в Боге, «так что достижением Бога в религиозном совершенстве еще не достигается полного покоя – уничтожения человека» (§ 26) [3]. Он продолжает быть в Боге. Отсюда, чтобы достигнуть полного покоя, необходимо освободиться и от души, «но душа в религиозном техникуме пока неделимый атом», «частица Бога» – таковы условия церкви.

«Религия видит в человеке “ничто”, “небытие”, а в Боге “бытие”. Фабрика же видит в человеке “что”, а в Боге – “ничто”, но так как Бог – покой в совершенстве, и фабрика тоже видит в совершенстве покой, то тем самым приходит к Богу как покою!» [3].

Фабрика перестраивает мир, изменяя сознание человека; фабрика говорит: сознание человека «сделаю вездесущим через познание во мне совер-

шенств, и я буду совершенно знающим, я буду Богом, ибо Бог только знает дела Вселенной. Вся стихия соберется во мне, и я буду вечностью. Я сделаю человека зорким, слышащим и говорящим на многие пространства, я выстрою технику его тела в совершенном образце. Я согласую всю его волю в себе, погложу волю ветров, воды, огня, атмосферы и сделаю все это единым, принадлежащим человеку. Да в конце концов весь мир просто неудавшаяся техническая попытка Бога, которую построю в совершенстве» (§30) [3].

Фабрика стремится освободить человека от всего материального, через труд, достигая освобождения от труда, совершенствуя машины, устраивая в человеке как теле, человеке-машине (Ж. Ламетри) свою бессмертную функциональность. К. Малевич приводит пример того, как фабрика готовит новое тело, приводя в пример автомобиль как образец такового.

«Если человек, сидящий в нем, еще разделен с ним, то просто потому, что данное тело, одетое человеком, не может совершать всех функций, сам же человек как организм технический может выполнить все функции, нужные душе, и потому душа живет в нем и выходит из него тогда, когда функции его не выполняются; если бы автомобиль был в совершенстве выполнения всего необходимого для человека, человек никогда не вышел бы из него» (§ 31) [3].

Фабрика собирается привести человека в новое механическое царство, облакая его тело как душу в новые одежды, и там человек будет представляем как представляется теперь форма души в человеке. Ни в царстве небесном, ни в механическом царстве мысль не во всем будет иметь свою власть, поскольку мысль оканчивает свою работу, наступает покой – царство немыслящее, все стремится к Богу как немыслящему состоянию.

На «квадратуре круга» Ничто как несмыслия будущего у Малевича проступают сюрреалистические узоры, которые на шкале абстрактных расположений проступают как атомарные структуры в противоположные стороны от абсолютного нуля (в небо и землю, от минуса к плюсу, от предметности к предметности). Эти структуры требуют иной, доселе не предвиденной связанности (в том числе и логической) в формы, отличающиеся от прежних, имплицитных в ноль. Их экспликация и пере-(с)борка на другом конце (в другом зоне бытия), по ту сторону 0, станет всего лишь другим набором в новой последовательности, основой которой является бинарный код. Малевич проводит эту черту в «черном квадрате» нового искусства, чтобы отделить на уровне микрокосма бессознательный топос от сознания, в котором перевал через 0 переходит «культура» как предметность. Этот переход идет через «взрыв» возбуждения, с поиском формы и

утратой ее согласно универсальному космическому закону, который на уровне макрокосма представляется человеку как путь от 0 к 1, от Ничто к Нечто и от Нечто к Ничто.

Если целенаправленно смотреть на яркий диск солнца, он становится черным – это внутреннее затмение в физиологии зрения смотрящего, коррелирующее внешнему затмению солнца астрофизического – аналог «квадратуры круга» Малевича (0-1), позднее отображенной на плоскости. Ранее Малевич представил это в виде трехмерной сценической цельности «Победы над солнцем» воюющего с самим собою Неприятеля¹. Невозможность схватить Нечто в его порождающе-ускользающей форме захватывает Ничто как в структуру-лунку, в которую втягивается вся предметность и вся проваливается в потенциальную бесконечность беспредметности (возможно, для того, чтобы начать все сначала).

Из платоновской пещеры человек, прежде бывший в темноте смутно проявляющихся теней, обернувшись к солнцу, слепнет, и тогда все предметы, утрачивая свои очертания, утопают в беспредметности. Дважды рожденный Эдип, вопия в час трагедии, будучи зрячим, о неразличимости предметного мира в его действительных связях определенности, ослепнув, становится ясновидящим, перехватывая у солнца его способности к просветлению.

В Ничто все утрачивает свою иллюзорную цельность. В *беспредметности* определяется внутренняя сила, имплицитно из экзистенциального одиночества, отделяющего Я апофатическим образом от осознания собственной смертности. Я становится эпифеноменом рефлексии, чтобы, растворившись, обрести *Нечто*, не проваливаясь в Ничто. Когда пройдет шок, предметы, сначала вне какой-либо связи друг с другом, постепенно проявляют свою сущность, налаживая и формируя новые связи и представая потом в этих связях уже в каком-то другом свете.

Сама по себе актуальность наличного состояния сознания в виде определяющегося Эго, есть *фундаментальный код*, запускающий процесс религиозности/духовности/трансцендентальности и трансцендентности через самоотчуждение. Происходит стягивание энергии в круг собственного центра Я, чтобы сгенерировать эволюционные условия и совершить переход через экзистенциальный кризис, и обрести, рассеиваясь, иное измерение целостности по ту сторону пространства-времени самого себя. Этот код утрачивается или возникает

¹ Персонаж футуристической оперы М. Матюшина и А. Крученых «Победа над солнцем», сценография и костюмы К. Малевича, постановка 1913 г. См.: [6].

как со-бытие в фиксируемой дискретно истории многообразных старых и новых текстов тогда, когда на исходном уровне утрачивается или возникает в обратно пропорциональной зависимости полнота бытия.

В опере кубофутуристов «Победа над Солнцем» в третьей и в четвертой картинах возникает все больше абстрактных фигур и линий, которые, постепенно заполняя собой пространство куба, к концу четвертой картины уже почти полностью закрывают солнце абстрактными фигурами Нового мира. «Вся “Победа над Солнцем” есть победа над старым привычным понятием о солнце как “красоте”» [5, с. 85], – пишет М. Матюшин, – и эта победа есть гимн машине, начавшийся с разрыва сценического пространства-мира раздирающимся надвое занавесом будущего.

Механическая картина мира, существующая как научная парадигма эпохи Просвещения, от механистически устроенных эгалитарных систем утопического социализма до рационально обоснованных принципов распределения власти, находила продолжение в социальной физике позитивизма. Эта картина мира нашла свой художественный аналог, превосходящий строгость ясного и отчетливого мышления классицизма, в супрематизме беспредметности. «Завеса разорвалась, разорвав одновременно вопль сознания старого мозга, раскрыла перед глазами дикой толпы новые дороги, торчащие и в землю, и <в> небо», – возвещает К. Малевич [4].

Завеса разорвалась, и открылось визуальное постижение пространства в новой оптике мира, лежащего за пределами принятой за данность реальности. Прежняя реальность была представлена образами, которые из обратной перспективы мерцающих ликом обретали линейную перспективу и объем форм, которые все прочнее утверждались в не менее иллюзорной реальности, но понятой как реальность сама по себе.

Новая оптика открывает новые образы: от поиска Джотто «глубины» и «объема», со-творенных из Ничто, – к одухотворенным формам тела «титанов Возрождения»; от Леонардо с иронически тонко мерцающей улыбкой в Джоконде – к Сезанну, совмещающему прямую и обратную перспективы, увиденные как искривление форм в остановленном на миг движении. В подобной оптике развивались и культурные искания Серебряного века, создавшие образы, которые приводят к гравитационному полю квадрата, поглощающего космические формы, чтобы на оборотной стороне перехода, как на перевернутом листе чистовика, спонтанно автоматическим письмом воплощать изнанку видимого мира [см.: 8, с. 88–103].

Завеса разорвалась, и образы, казавшиеся незыблемыми, начали разлагаться на составляющие своих форм с помощью флуктуаций цвета, света и линии, чтобы закрепиться атомарными конструкциям геометрических фигур, лежащих в основе нового образа бытия. Кубистический портрет, будучи развернутым на плоскости-выкройке, собирается в голове наблюдателя трехмерным пространством в человека, подвижная виртуальность которого возвышается над устойчивостью и закрепленностью в вечности недвижимой истинной двумерного бытия – бинарной конструкцией. Но между выкройкой и объемом, как в пробеле между начертанных слов и слов, содержащих вещь, ускользает вместе со своим очертанием смысл в черную дыру пространства-времени.

Какой-то паттерн ждал своего часа, чтобы случились запускающие его события, включающие «на вершине айсберга» ту картину реальности, которая погружена в глубины психики. Коллективное бессознательное, состоящее из компонентов и импульсов, – та часть нашего существа, которая идентична для всех людей и образует общую психическую основу надличностных свойств, существующую с древнейших времен, – наследуется, являясь неотъемлемой частью сознательного опыта, которым совместно пользуются все представители вида.

Список литературы

1. Андреева Л. А., Андреева Л. К. Секулярный или постсекулярный мир? Верификация концепций // Социологические исследования. – 2015. – № 3 (371). – С. 82–88.
2. Альпер М. Бог и мозг. – М.: Эксмо, 2014.
3. Малевич К. Бог не скинут. Искусство, церковь, фабрика // Малевич К. С. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. – М.: Гилея, 1995. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/page/malevich-ss05-01.html>
4. Малевич К. Театр // Малевич К. Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. – М.: Гилея, 2004. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruslit.traumlibrary.net/book/malevich-ss05-05/malevich-ss05-05.html#work002001012>
5. Матюшин М. Творческий путь художника. Автомонография. – Коломна: Музей органической культуры, 2011.
6. Русский футуризм: теория, практика, критика, воспоминания / сост. В. Н. Терехина, А. П. Зименков. – М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000.
7. Соболяникова Е. Н. Мистическое и мифологическое познание в контексте целерациональности // Парадигма: философско-культурологический альманах. – 2013. – № 21. – С. 166–175.
8. Трофимова Е. А. Космизм Серебряного века: проект модерна // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. – 2012. – Т. 12. – С. 88–103.

Статья поступила: 19.01.2020. Принята к печати: 20.02.2020